

Аттила – предок кыргызов / окончание

Category: Kitapcy, Taryhy şahslar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Аттила – предок кыргызов / окончание ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЧЕТВЕРТОЕ, на уровне культурологических аспектов этногенезиса, которые всегда представляют собой артефакты, созданные материально-предметной и духовно-интеллектуальной деятельностью людей в процессе своего исторического развития.

Культурологический аспект этногенезиса отражает в себе не только собственно традиционную словесно-устную ассоциативную память народа, но и память генетическую, а зачастую и рудиментно-генетическую.

«Ведь культура – это как раз то, что мы можем изучить, это то, что лежит на поверхности. Очень сильно сказывается на культуре временной момент, момент памяти, памяти генетической, памяти традиционной – памяти прежних культур, т.е. наличие в новой культуре рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами» [Гумилев Л.Н. «География этноса в исторический период», Л., 1990, с. 112].

Изучение культурологически обусловленных духовных и материальных артефактов предполагает построение нескольких взаимосвязанных исследовательских парадигм. Во-первых, артефакты, большей частью духовные, могут быть системными, а могут быть и единичными, последние обыкновенно бывают материальными. Во-вторых, данные духовные и материальные артефакты всегда имеют, и имели, историко-эволюционную детерминированность, поскольку древние явления и предметы, созданные человеком могут сравниваться с аналогичными новыми. И, в-третьих, артефакты принадлежат конкретным этносам, и через их сравнение мы можем сравнивать и этногенетический путь

развития того или иного народа с определенным другим.

В качестве духовно-интеллектуального артефакта можно в первую очередь рассматривать музыкальные (ладовые) системы кыргызского народа. Вне всякого сомнения, кыргызы отличаются большой музыкальностью – если не каждый первый, то каждый второй может петь.

У кыргызов существуют различные виды песен: трудовые, например, сопровождающие молотьбу – «оп майда», лирические, типа «ашык болдум», обрядовые, например, траурные «кошоки», но все же основополагающими являются пастушеские женские песни «бекбекей» и мужские «шырылдаң». Женщины и девушки исполняли песни бекбекей, когда они охраняли стада быков или отары овец недалеко от аила. В песнях много решительных выкриков, что представляло собой угрозу волкам. Песни же шырылдаң исполнялись мужчинами, находящимися на летовке, вдали от аила. Почти каждая девочка и мальчик проходили непроизвольное обучение в таких импровизированных женских и мужских хорах.

Кроме того, у кыргызов были широко распространены хвалебные песни в честь давно ушедших героев или же в честь отважного поступка своего соплеменника. Нередко также хвалебные песни исполнялись в честь богатого заказчика.

В отличие от области языка, область музыки не характеризуется у тюркских народов если даже не единообразием, то хотя бы некоторой схожестью. «Зная османско-турецкий язык, можно без особого труда понимать казанский или башкирский текст, но прослушавши одну за другой сначала османско-турецкую, а потом казанско-татарскую или башкирскую мелодию, приходишь к убеждению, что между ними нет ничего общего» [Трубецкой Н.С. «О туранском элементе в русской культуре» // В его кн.: «Наследие Чингизхана», М., 2000, с. 142].

Кыргызская музыка, а точнее, кыргызская песенная музыка, конечно же, – не исключение в музыкальной сфере тюркских народов. Кыргызы, являясь музыкальным народом, обладают

самобытной музыкальной культурой, которая резко выделяет их среди прочих тюркских народов.

Один из пяти главных родоначальников Евразийской теории (суть которой можно сформулировать кратко: все славянские, тюркские и угрофинские народы Евразии находятся между собой в «ментальном» родстве) Н.С. Трубецкой – четверо других: Петр Савицкий, Николай Алексеев, Лев Карсавин и Лев Гумилев – объяснял различия в музыкальных культурах тюркских народов «...различием культурных влияний. Музыка османских турок находится под подавляющим влиянием музыки арабской, с одной стороны, и греческой, – с другой. Подавляющее влияние арабско-персидской музыки наблюдается также у крымских и азербайджанских татар. При определении подлинно тюркского музыкального типа музыка турецкая, крымско-татарская и азербайджанская, особенно городская, в расчет приниматься не может» [цит. соч., с. 143]. Аналогичное можно утверждать и насчет музыки узбекской, в которой чувствуется огромное влияние музыки персидской и музыки кавказских народов. Казахская песенная музыка уже несколько близка к музыке кыргызских песен, но все же отличия, обусловленные влиянием музыки монгольской, а также и узбекской, равно и башкирской, явным образом в ней прослеживаются и прослушиваются.

Основное свойство кыргызской музыкальной культуры, видимо, состоит в том, что никакая другая музыкальная культура никакого влияния на нее не оказывала. Вероятно, это было обусловлено социумной замкнутостью кыргызского общества (когда каждый член общества должен был знать имена семи своих отцов-предков) и его географическим отдаленным обитанием в горных долинах, ущельях и нагорьях, куда был затруднен доступ порой до шести месяцев в году.

Недавно появилась в свет интересная монография кыргызской исследовательницы Ч.Т. Уметалиевой-Баялиевой «Этногенез кыргызов: музыковедческий аспект. Историко-культурологическое исследование» [Бишкек, 2008], суть которой изложена в предварительной аннотации: «Предлагается собственный

оригинальный взгляд на не проясненные до конца моменты происхождения ядра кыргызского народа. Дана сравнительная характеристика музыкальных (ладовых) систем народов Евразии. На основе данного анализа делается вывод об отсутствии единой 'общетюркской' музыкальной системы и обосновывается несомненное генетическое родство кыргызской музыкальной системы с общеевропейской и особенно славянской (русской)» [Уметалиева-Баялиева Ч.Т. цит. соч. с. 2].

Без сомнения, музыка – это душа народа, которая обусловлена парадигмой музыкального мышления. Музыкальное мышление, как и прочие формы мышления, не мотивированные языком и речью, как-то: мышление образное, мышление картинное, мышление математическое и др. –, принадлежат сфере бессознательного и, следовательно, объясняются только психологическим, психическим анализом и самоанализом (по З. Фрейду). Языково-речевое мышление уже, якобы, принадлежит сфере сознательной и, следовательно, обладает уже языково-логической основой.

Выше мы уже высказали мысль об основном отличительном свойстве кыргызской музыки (песенной музыки) – ее самобытности.

Сама же названная исследовательница кыргызской музыкальной системы отмечает: «Ведь в известных исторических условиях, как экспансия и поглощение одних народов другими, менялись речевые языки, религии, уклад жизни, даже обычаи, в то время как музыка и музыкальное мышление оставались неизменными. Завоеватели в первую очередь стремились изменить язык и веру покоренного народа – до песен, напевов и наигрышей дело не доходило ввиду 'второстепенности' данной жизненной сферы» [цит. соч., с. 98] [подчеркнуто нами. А.Б.].

Но если принимать во внимание обе вышеозначенные мысли (1. о самобытности кыргызской музыки и 2. о неизменности кыргызского музыкального мышления), то как объяснить заявленное в аннотации результирующее положение, которое в одной из своих трактовок может быть понято как: историческое влияние европейской и русской музыкальных культур на кыргызскую, –

ведь в традиционной общедоступной истории кыргызы никак не могли встречаться в обозримый исторический период ни с европейцами, ни с русскими, равно с их музыкальными культурами.

Но если встать на заявленную нами точку зрения о древнем историческом пути гуннокыргызов, то сразу многое в этом аспекте становится ясным: гунны, гуннокыргызы или древние кыргызы около 150–200 лет проживали вместе с древними европейцами, а именно, древними германцами, среди них с готами, а также вместе со славянскими племенами, среди которых анты и венеды считаются прямыми предками русских, в составе одного государства – Гуннской империи. А проживая вместе, вместе совершая военные походы, вместе участвуя во многих сражениях (вспомним Каталаунскую битву, где предки большинства современных германцев остготы, гепиды и др. и предки современных русских анты, венеды и др. бок о бок с союзными гуннокыргызами сражались против объединенного войска римлян – предков современных итальянцев, галлороманов и франков – предков современных французов и вестготов – предков современных западных немцев и голландцев). Они не могли препятствовать взаимовлиянию и взаимообогащению их музыкально-ладовых систем. И думается, что музыкальные системы европейцев-германцев, русских и кыргызов имеют генетическое начало их происхождения именно с этого, гуннского, периода их истории.

То, с чего мы начинали нашу настоящую научно-критическую работу (констатации факта родственных отношений кыргызов, алтайцев и хакасов), находит параллельно отражение и в означенном музыковедческо-культурологическом исследовании Ч.Т. Уметалиевой-Баялиевой: «Родство кыргызов, хакасов и алтайцев затрагивает основу основ музыкального языка этих культур, а именно звукоряд и ладовое строение. Народная музыка кыргызов, алтайцев, хакасов (в меньшей степени) семиступенна, диатонична» [цит. соч., с. 119; выделено автором цитаты].

Если в общем все эти три музыкальные культуры практикуют в

песенной музыке подчинение единому закону пятитонного звукоряда и ритмическому закону симметрического равенства частей и парной периодичности, то кыргызские песни, сложенные по этому образцу, отличаются особой гармоничностью, ритмической ясностью и прозрачностью, поскольку на них не оказала никакого влияния монгольская этномызыкальная культура, в то время как музыкальные культуры алтайцев и хакасов подверглись такому влиянию. «Таким образом, отличительные, первичные признаки кыргызской музыки были сформированы в те далекие времена, когда предки названных народов были единым целым, образовавшимся на базе немонгольского этнического компонента» [цит. соч., с. 124] [подчеркнуто нами. А.Б.].

Под «теми далекими временами», конечно же, следует понимать догуннский период древних кыргызов, когда они вместе с алтайцами и хакасами составляли один этнос, а также и период гуннский европейский, когда свершился генетический процесс взаимовлияния и взаимообогащения музыкальных культур древних гуннокыргызов, древних германцев и древних славян.

Именно с древнего гуннокыргызского периода II–VII вв. берет начало современная кыргызская музыкально-песенная традиция, сохранившая до сегодняшних дней древнейшие кыргызские наигрыши и, соответственно, словесно-песенные композиции, некоторые из них мы разберем и проанализируем, но, разумеется, с упором на словесную семантику песен, ведь именно в них сохранена древняя кыргызская генетическая память о делах далеких дней, минувших века назад.

Известный кыргызский композитор-песенник (акын) Нурак Абдырахманов в своей теоретико-дидактической монографии представил образцы народных наигрышей и песен, которые он счел наиболее характерными для кыргызской музыкально-песенной культуры. Древняя генетическая память кыргызов, несомненно, проявилась в его репертуаре и выборе. Из 31 инструментальных мелодий, таких как, например: Маш Ботой, Көйрөң күү, Кыз кербез, Миң кыял, Эне журөгү и др. – одна обозначена как: Аттилахан (Адилхан), при этом в книге представлены две

вариации данного наигрыша [Абдырахманов Н. «Эн белги менен комуз үйрөнүү», Бишкек, 2010, 61–70 б.].

Обычно кыргызские наигрыши при исполнении в условиях кочевья в присутствии большого количества слушателей предварялись со стороны исполнителя кратким пояснением, своего рода сжатой аннотацией. И такое пояснение изложено автором в книге, оно содержит самые необходимые историко-содержательные характеристики музыкального произведения:

«АТТИЛАХАН

Тарыхта V кылымдагы Европанын Падышасы Аттилахан жөнүндө ошол учурдагы жылнаамачылар тарабынан көптөгөн так даректер сакталган. Анын өтө адилеттик менен падышалык кылганынан улам Батыш элдеринин көбү ага өз эрки менен багынып, бүткүл Европанын падышасы (император) болгон. Батыштын тарых китептеринде 'анын акылмандыгына жана айкөлдүгүнө эч ким тең келген эмес. Ал өлгөндө душман элдер дагы аза күтүп ыйлаган' деген даректүү жазуулар камтылыптыр.

Ал жөнүндө улуу Балык ырчы баштаган аталарыбыз дагы көптөгөн уламыштарды сактоо менен, Аттиланын анык ысымы 'Адилхан' экендигин айтышат. Адилхан атабыздан кийинки атагы жалпы элге дайын сакталган урпагы Баласагын Каган.

XIX кылымда Бала Айылчы деген санжырачы атабыздын айтканына караганда ошол аталардын акыркы Каган (император) болгон урпагы X кылымдагы Орто Азиянын падышасы Арслан Карахан. Арслан Карахандын дареги тарых жазмаларында кеңири сакталганын билебиз. Демек, ошончулук узак убакыт бою доор сүргөн падышачылыктын башатын негиздеген Адилхан (Аттилахан) атабызга багышталган күүсүн автор 'Аттилахан' – деп атаган» [цит. соч., с. 266].

«Летописцы сохранили много сведений о падишахе Аттиле, правившим в Европе в V в. Его правление было справедливым и праведным, подавляющее большинство западных народов покорилось ему добровольно, вследствие чего он стал падишахом

(императором) всей Европы. В исторических книгах западных стран содержатся сведения о том, что 'по его мудрости и его великодушию с ним никто не мог сравниться', и что, 'когда он умер, были в большой печали даже его враги'.

По достоверным сведениям, которые были переданы великим певцом Балык ырчы своим последователям, настоящее имя Аттилы было 'Адилхан'. Сохранил славу Адилхана в последующем своими деяниями его потомок Баласагын Каган.

По сведениям санжырачы (устный историк) XIX в. Бала Айылчы, одним из его (Аттилы) потомков был в X в. правитель-император Средней Азии падишах Арслан Карахан. Об Арслане Карахане сохранились обширные сведения в исторических записях. И потому мелодия названа «Аттилахан», в память родоначальника этой долгой династии падишахов» [Перевод наш. А.Б.].

Еще один мелодист-песенник Кайбылда уулу Асан представляет содержание древней мелодии «Шүдүнгүт», однако данная мелодия уже имеет песенно-словесное сопровождение. Видимо, начало, большая часть середины и конец мелодии сопровождалась синхронным речитативом с изложением народного предания об Аттиле и быке-шүдүнгүте (шүдүнгүт – быстроходный бык, бык-ходунец), на котором тело Аттилы было доставлено в горы Теңир Тоо для захоронения.

Однако, слово профессиональному историку: «У кыргызов бытует легенда об Аттиле Теңиртосском. В ней сохранены фрагменты этнических отношений кыргызов, гуннов и динлинов. В народном кюю 'Шюдюнкют' рассказывается о кыргызском хане Абделя хане, который завоевал всю Европу, и когда он умирал, в своем предсмертном слове богатырю (из племени тёлёк) Кара Тёлёку... сказал, что наши исконные земли горы Тенир Тоо: 'Когда я умру, похороните мое тело там'. Тенир Тоо находился на недостижимом расстоянии; чтобы преодолеть его, Кара Тёлёк (Теле-динлин) запряг шюдюнкюта (быстроногий бык, кыргызы использовали его для вьючных целей...), с помощью которого он доставил тело своего хана к месту назначения и похоронил по обычаям предков

на берегу оз. Ыссык-Куль (фактически на землях племен он ок будунов – дулу)» [Акеров Т. «Кыргызы – солнцепочитатели» // «Кут билим», от 24.04.99, с. 8].

Однако во второй части, в середине күү мелодия сопровождается уже не речитативом, а песней, а именно, траурным плачем, который приписывается гуннокыргызскому богатырю, первому министру Гуннского государства Кара Төлөкү. Аттила умер, по преданиям кыргызов, на Балканах и горестные стенания начинаются с упоминания Балканских гор:

*« – Балкан, Балкан, Балкан тоо,
Балкан того мен чыksam,
Башында бар айры тоо.
Айры того мен чыksam,
Көлдө жаткан көп өрдөк,
Ылаачын тийсе бөлүнөт.
Ылаачындай шумкарым,
Атылкандан айрылып
Элди кайдан табамын?
Эл карааны көрүнбөйт,
Тамакты кайдан ичемин?
Кийимди кайдан киемин?
Элди кайдан табамын,
Журтту кайдан табамын?»*

[цит. по: Закиров С. «Кыргыз санжырасы», Бишкек, 1997, 67 б.].

*«Балканы, Балканы, Балканские горы,
Я взошел на Балканские горы,
На вершинах – это зубчатые горы,
Я взошел на зубчатые горы.
На озере находится стая уток,
Но ее рассеет ловчий сокол.
О ты, наш отважный сокол,
Лишились мы тебя, Аттилахан.
Где теперь будет наш народ?
Не видно людей нигде.*

*Как мы найдем пропитание?
Как мы найдем одеяние?
Когда еще будет такое племя,
Когда еще будет такой народ?»*

[Перевод наш. А.Б.]

Смерть Аттилы была знаковым событием для Европы V в. Если друзья, союзники и большинство вассалов были в огромной горести и печали, то недруги и враги, конечно же, были в состоянии непередаваемой словами эйфории.

«Блаженная радость охватила правителей обеих румийских империй при получении известия о кончине великого властителя гуннов, один лишь взгляд которого насылал боязнь на целые народы и государства. Долго возносились в христианских и языческих храмах, соборах, церквях, молельных домах и монастырях исконного Рума и Византии благодарственные молитвы различным богам. Животный страх перед величайшим из земных воителей стал понемногу улетучиваться. Как сообщал дипломат и историк Приск, императору Восточного Рума в ночь смерти великого кагана явился во сне бог, державший в руках сломанный гуннский лук» [Бек фон А. «Гунны», кн. III, т. II, Бишкек, 2009, с. 390].

Траурный плач по Аттиле записан в древнеисландской «Песни об Аттиле» от IX в., а также и в латинских летописях за X–XI вв. Пока не установлено, с какого из этих языков он был переведен на современный немецкий язык: с древнегерманского исландского или же с романского латинского, но в современных немецких гуннологических источниках он звучит так:

*„Du größter Hunne, König Attila,
Sohn des Mundzuch,
stärkster Völker Herr!
Erster warst du, allein
Sarmatenland und Germanenland
und auch die Römerreiche zu beherrschen.
Die eroberten Städte zitterten,*

*andere schontest du, gnädig annehmend
reiche Tribute,
Als du all das glücklich getan,
endete dein Leben ohne Schmerz,
ohne Wunde und ohne Verrat,
im Königsblut, in Freude unter Freunden.
Wer spricht von Tod dort,
wo keiner aufstehen muß, um zu rächen?“*

[цит. по: Schreiber Н. „Die Hunnen“, Düsseldorf und Wien, 1976, S. 299–300].

Мы попытались передать вышеприведенный траурный плач по Аттиле на гуннском языке на основе метода реконструкции с использованием 3-томного словаря Махмуда аль-Кашгари, Ташкентское издание за 1960–63 гг., подготовка и редакция С.М. Муталлибова [Кашгари М. «Туркий сүзлар девони (Девону лугат ит-турк)», Ташкент, т. I – 1960; т. II – 1961; т. III – 1963], исходя из того, что более раннего тюркского словаря просто не имеется – М. Кашгарский жил в XI в. Также мы использовали «Этимологический словарь тюркских языков» Э.В. Севортяна [М., 1974]. Что же касается языковых правил сочинения слов в связную речь, то мы использовали фонетические, словообразовательные, морфологические и синтаксические правила, изложенные Э.Р. Тенишевым в его статье «Гуннов язык» в энциклопедическом словаре «Языки мира: Тюркские языки» [М., 1996, с. 47–54].

Наша свободно реконструированная гуннская версия была использована в книге «Аттила-хан гуннов»:

«Улуг хун Аттила каган,
Мундзукула,
Харта эльдар хан,
Бири сена бола,
Сармат йери, керман йери,
Румий йери жау чапкан,
Олди калалар бута келадан,

Улуг пушта хун атуях келадан,
Сена Тенгири-ата кетада,
Сена Умай-ана кетада,
Хун эль жау бара,
Хун ийгиттар жау до,
Сена башига болмада,
Кем олда бара жау ураа,
Кем олда бара жау кыра?»

[Бек фон А. «Гунны», кн. III: «Аттила-хан гуннов», т. II, Бишкек, 2009, с. 387–388].

«Великий гунн Аттила-каган,
Мундзука сын,
Крепкого народа хан,
Первым ты был,
Сарматские земли, германские земли,
Римские земли войной покрыл,
Древние города ногою топтал,
Великие степи копыто гуннского коня топтало,
Ты ушел к Тенгири-ате,
Ты ушел к Умай-ане,
Гуннский народ пойдет на войну,
Гуннские джигиты ринутся в бой,
Тебя не будет во главе.
Кто пойдет впереди рубить врага,
Кто пойдет впереди убивать врага?»

[Переводно-реконструированная версия наша. А.Б.].

Еще раз отметим, что нами представлен не формальный перевод немецкого текста, который в нашем случае выступает как оригинал, а смысловое воспроизведение содержания оригинала с учетом всех нюансов тюркского, древнетюркского и гуннокыргызского менталитетов.

Таким образом, в качестве духовных артефактов, наследованных от древнего гуннокыргызского периода, нами последовательно

рассмотрены моменты древней кыргызской музыкальной культуры в области создания мелодий-күү и их словесно-песенного сопровождения. И такое рассмотрение выявило, что данные древние духовные продукты интеллектуального созидания гуннов могли принадлежать только гуннокыргызам как прямым и непосредственным предкам кыргызов современных.

Однако если музыка имеет всегда тонально-звуковое выражение, то такое же выражение имеет и другая артефактная система – язык. Язык всегда выражается при помощи звуков и тонов. Гуннский язык, его правопреемники древнекыргызский и современный кыргызский языки, равно готский и его правопреемники древненемецкий и современный немецкий языки – не исключение. Некогда, в IV–VI вв., готский и гуннский язык сосуществовали и развивались в тесной взаимосвязи и это не могло не найти отражения именно в их звуковых сторонах.

В прошлом 2010 году в гор. Алматы на заседании межрегионального специализированного ученого совета, в присутствии ведущих ученых-германистов и -типологов Средней Азии и Казахстана, кыргызский исследователь-фонетист Ч. Тулеева защитила свою докторскую диссертацию на тему: «Типологические черты фонетико-фонологических систем немецкого и кыргызского языков». Когда среди прочих своих научно-экспериментальных результатов докторант Ч. Тулеева докладывала о интонационных структурах различных типов немецких и кыргызских предложений, присутствующие члены спецсовета были сильно заинтересованы сходными характеристиками этих интонационных структур.

Ч. Тулеева выделила 6 видов интонационных структур трех коммуникативных типов немецких и кыргызских предложений: 1. повествовательное простое предложение, 2. повествовательное сложное предложение, 3. вопросительное предложение с вопросительным словом, 4. вопросительное предложение без вопросительного слова, 5. предложение чистого восклицания и 6. предложение нечистого восклицания.

Ведущие ученые-типологи даже переспросили: как же так, казахские и узбекские коммуникативные типы предложений резко отличаются в своих интонационных структурах от таковых немецких, а кыргызские являются сходными?

Кыргызский докторант отвечала на вопросы своих оппонентов: да, некоторые отличия в их интонационных структурах имеются, они обусловлены более сильной энергетической базой немецкого произношения, но в главном – в движении мелодики – немецкие и кыргызские интонации полностью совпадают, – и предъявила результаты своего экспериментально-практического сопоставительного изучения. Иначе говоря, это означает, что любой исконный носитель немецкого языка поймет коммуникативный тип кыргызского предложения, никоим образом не владея языком кыргызским – ему будет понятно, что речь идет о сложном повествовании, или же о вопросе с каким-то вопросительным словом, или же о предложении с радостным восклицанием; и наоборот, любой носитель кыргызского языка поймет, никак не владея языком немецким, что речь идет о повествовании, о вопросе, или же о восклицании [см.: Тулеева Ч.С. Типологические черты фонетико-фонологических систем немецкого и кыргызского языков: Автореф. докт. дисс., Алматы, 2010, с. 41–42].

Откуда такое совпадение интонационных структур немецкого и кыргызского предложений, если такового не наблюдается в отношении прочих среднеазиатских тюркских языков? Все становится на свои места, если вспомнить, что современный немецкий язык является прямым потомком древненемецкого (древнегерманского) и готского языков, а современный кыргызский язык – таковым по отношению к древнекыргызскому (древнетюркскому) и гуннскому языкам.

Здесь же уместно вспомнить, что только между немецким и кыргызским языками существует прямая параллель в собственно фонетическом составе – только в немецком и кыргызском параллельно сосуществуют фонетические звуки:

кырг.: [ø] көл, төр – нем.: [ö] höre, schön;
[ү] бүт, күт – [ü] würdig, wütend;
[ң] даңк, маңка – [ŋ] Dank, bange.

А если вспомнить, что вышеприведенные гласные в обоих языках – немецком и кыргызском – имеют не только краткую форму, но и форму долгую, то получается, что число этих полностью идентичных звуков-фонем возрастает.

Перейдем теперь к рассмотрению материально-предметных артефактов гуннского периода кыргызской истории.

Духовно-интеллектуальные артефакты гуннского периода истории кыргызов структурированы и представляют собой целостные системы: чисто наигрышная система (күү), наигрышно-песенная система (ыр). Такие материально-предметного характера этого же периода кыргызской истории также являются системно организованными, но взаимосвязь компонентов в последнем случае зачастую не обязательная, а факультативная.

Системные материально-предметные артефакты разберем на примере нижеследующего рисунка из книги известного немецкого историка-гуннолога Германа Шрейбера «Гунны» с пояснением: «Rekonstruktion eines hunnischen Lagers mit vorbeiziehender Karawane» («Реконструкция гуннского лагеря с проходящим мимо караваном») [Schreiber H. „Die Hunnen“, Düsseldorf und Wien, 1976, S. 72–V].

Данный рисунок создавался по описаниям жизни и быта гуннов IV–V вв., фрагменты которых разбросаны по всей книге Г. Шрейбера.

Нас же сейчас интересует материально-предметные артефакты, до сего времени наличествующие в повседневном обиходе кыргызов, которые имели или имеют параллельное хождение у готов и у их прямых потомков – современных немцев.

У кыргызов, равно у древних тюрков и гуннов, такое временное, передвижное селение называется «айыл». Откроем «Большой

немецко-русский словарь», том 1, под руководством докт. филол. наук, проф. О.Н. Москальской, составители: Е.Н. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг, Р.А. Черфас, на стр. 161 [М., 1980] и найдем: «Auł (Aúł) – аул; поселок (тюркских) кочевников».

Начнем вспоминать, когда же «тюркские кочевники» кочевали по территории Германии, и при этом такое длительное время, не будучи вытесненными (а германцы не терпят на своих землях никаких кочевников: ни тюркских, и нетюркских), и их поселения были такими же полноправными, как и селения самих германцев-немцев, что наименование их поселков даже вошло в основной словарный фонд немецкого языка и было зафиксировано в словаре (а в словарях фиксируются только устоявшиеся в лексике языковые единицы). Вспомнили, получается, что турки, а именно гунны или гуннокыргызы, дошли и кочевали по тогдашним остготским и вестготским землям (на территории современной Южной России и Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии) в IV в. и по собственно германским землям в Европе в V в. Позже турки никогда до германских европейских владений не добирались; лишь в XIII в. до Венгрии добрались нетюрки-монголы, да и то после месячной передышки повернули и ушли назад.

Откроем теперь самое последнее издание названного словаря, т. I, но на этот раз под формальным руководством докт. наук, проф. О. Москальской (почему формальным – она ушла из жизни в 1983 г.), составители Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг и др., за 2008 г. Названная словарная статья на “Auł” сохранилась [М., 2008, с. 161]. Это означает только одно – то, что данная лексема “Auł” принадлежит к основному вокабуляру современного немецкого языка и применяется при описании (историческом описании) поселений кочевников (возможно, тюркских кочевников).

Рассмотрим далее данный рисунок. Мужчины, представленные на нем, обозначаются в готском и немецком – Mann, в кыргызском же от гуннского и древнетюркского остался только словообразовательный компонент “-ман”: күйөрман (болельщик),

билерман (знаток), окурман (читатель) и др.

Женщины, представленные на рисунке, обозначаются в гуннском, древнетюркском и кыргызском языках лексемой “катын”; правда, в современном кыргызском слово это имеет некоторый грубовато-уничижительный стилистический оттенок, но сути общего смысла это никак не меняет. В немецком языке – потомке готского – имеется аналогичное и по звучанию, и по значению слово “gattin” (жена, супруга) (произносится: гáттин), которое, видимо, стало основой для последующего современного производного Gate (der Gatte)– супруг. [“Большой немецко-русский словарь”, т. I, под рук. О.И. Москальской, М., 2008, с. 516–517].

В готском словаре можно найти слово “aba” (произносится: аба), обозначающее противопоставление к gattin (жена) – “муж, супруг”, а также и: “дядя” [Braune W. “Gotische Grammatik: mit Lesestüchen u Wörterrez”, Tübingen, 1981, S. 178]. Сравним современное кыргызское “аба”, обозначающее в северных кыргызских диалектах: дядя по материнской линии.

Более того: в готском языке можно найти слово atta (ата), имеющее аналогичное гуннскому и кыргызскому значение: отец [цит. соч., с. 180].

Мальчиков-подростков и юношей в готском языке, в а позднее в древнесаксонском, обозначали лексемой “boy” (бой); сравним кыргызское “бой” (рост), “бойго жеткен” для юношей: достигший призывного возраста; для девушек: достигшая возраста выхода замуж.

Также, видимо, имеются определенные параллели между готско – немецким Herr (мужчина, воин, господин) и кыргызским “ээр” (мужчина, воин), поскольку готско-немецкий звук ‘h’ в начале произносится очень слабо и почти не слышится.

Гуннский котел, стоящий на рис. 2 на огне, в готском языке имел словоформу torp, которая после 2-го немецкого передвижения согласных стала topf (pp>pf) и в современном

немецком имеет значение: горшок, кастрюля, котелок; при этом мотивировка “круглого” сохранилась. В кыргызском языке – потомке гуннского – слово “топ” также имеет мотивировку “нечто круглое” (мяч, шар), но утратило этимологическое значение “округлости котла”. Но во всяком случае семантическая связь между гуннским “топ” и готским “topp” в значении “округлого предмета” сохранилась.

На рисунке также представлен верблюжий караван. Вспомним, что в кыргызском языке “каймал” обозначает: верблюдица по пятому году [Юдахин К.К. “Киргизско-русский словарь”, кн. 1: Фрунзе, 1985, с. 320]. В этом случае можно однозначно утверждать, что наименование этого животного в готском, древнесаксонском, равно в немецком и английском, *Kamel* заимствовано из языка гуннского, поскольку верблюды в европейских германских землях никогда не водились.

На лошадях, которые представлены на рисунке, под седло поверх потника постелены чепраки, служащие для украшения. В готском, и немецком языках они называются *Schabrake* (шабраке), связь данной лексемы с кыргызским чүпүрөк (тряпка, отрез материи), чүпүрөк – чапырак, несомненна.

На заднем фоне рисунка всадник на лошади ведет в поводу двух волов: здесь также наличествует непосредственная связь между готским наименованием *okez* и немецким *Ockse*, с одной стороны, и гуннско-кыргызским “өгүз”, с другой; во всех означенных языках слова имеют одно и то же значение: кастрированный бык, используемый на тяжелых сельскохозяйственных работах. При этом невозможно точно установить, из какого языка в какой (из гуннского в готский или наоборот) заимствовано наименование вола, поскольку оба они: и гунны, и готы являлись древним скотоводческим народом.

И завершает наше описание материально-предметных артефактов гуннского кочевья на территории Германии само понятие кочевки, ведь кочевье не стоит на месте, а часто и скоро перемещается на новое, более благодатное место. В немецком языке со времен

готского сохранилось понятие конно-тягового перемещения: Kutsche (повозка), kutschen, kutschieren (править повозкой, перемещаться на повозке), Kutscher (возница) [“Большой немецко-русский словарь”, т. 1, под рук. О.И. Москальской, М., 2008, с. 760]. Сравним готско-немецкий корень слова “kutsch” с таковым гуннско-кыргызским “көч”. Также можно провести параллель с антско-русским “коч” (кочевник, кочевать, кочевье), ведь славянские анты с самого начала и до конца долгого гуннского похода в Европу были вместе с ними и участвовали в большинстве сражений на их стороне, а особенно мощно поддержали их в знаменитом Каталаунском сражении в 451 г.

К материально-предметным артефактам гуннского периода кыргызской истории также можно отнести конкретные предметы и их наименования, до сих пор имеющие в германских (немецком) и гуннских (кыргызском) языках сходные значения и звучания и параллельное хождение.

Например: 1/ “Алтын”. Данное кыргызское и древнекыргызское слово, по все вероятности, в соответствии с фонетическими законами пратюркского периода, имело в гуннском языке фрикативное, а именно, выдыхательно-клокочущее заднеязычное начало и артикулировалось как: халтын [Севортян Э.В. “Этимологический словарь тюркских языков”, М., 1974, с. 142–143]. Из гуннского языка оно попадает в язык готский в звуковой форме *galtyn* (ср. англ. *golden*), а позже в немецкий язык *Golden* и в усеченном виде *Gold* (золото).

2/ “Бозо”. Почему-то принято считать, что “бозо” – это исконно кыргызский напиток и никто, кроме кыргызов, его производство никогда не культивировал. Но мы можем полагать, что бозо – это напиток, имеющий начало в гуннском периоде кыргызской истории, поскольку он имел и имеет ареал приготовления и употребления именно в тех местах, где некогда кочевали гунны и где остались их потомки. Однако не будем голословны и представим доказательства. Замечательного русского советского писателя К. Паустовского представлять не надо. Его юность прошла в

Екатеринославе (г. Днепропетровск) в Восточной Украине в начале XX в.

“В Екатеринославе я снял угол в предместье Чечелевке, недалеко от – Брянского завода.

Денег у меня было всего двенадцать рублей.

Угол я снял на кухне у вдового рабочего-токаря. С ним жила его единственная дочь Глаша – девушка лет двадцати пяти, больная туберкулезом.

Кроме меня, на кухне жил еще клепальщик с Брянского завода – высокий малый с дикими глазами. Я ни разу не слышал от него ни слова. На вопросы он тоже не отвечал, так как был совершенно глухой.

Каждый вечер, возвращаясь с завода, он приносил с собой бутылку мутной екатеринославской бузы – хмельного напитка из пшена, выпивал ее, валился, не раздеваясь, на рваный тюфяк на полу и засыпал мертвым сном до первого утреннего гудка” [Паустовский К. “Далекие годы. Беспокойная юность”, Киев, 1987, с. 438] [подчеркнуто нами. А.Б.].

Классик советской детской литературы В. Белаяев описывает события конца 20-х годов прошлого века в Западной Украине:

“– Около вокзала? – вмешиваясь в наш разговор, уже серьезно спросил Маремуха.

– Ну да, возле вокзала, – поспешно проговорил Бобырь, – он бузу пил...

Это было уж слишком, и мы с Петькой громко расхохотались.

– Ты слышишь, Василь? – спросил Петро, давясь от смеха. – Он видел Печерицу, Печерица пил бузу, а буза ударила этому этому конопатому бузотеру в голову, и он прибежал сюда морочить голову нам...

– Да, да!– окончательно обижаясь, закричал Саша. – Не хотите верить – не надо. Только я ничего не выдумываю! Буза – это питье такое, здешнее, из проса, кислое и белое. Во всех будочках продается. Я уже пробовал, а если вы не знаете, так я не виноват...” [Беляев В. "Старая крепость". Трилогия, кн. 3., М., 1971, с. 171] [подчеркнуто нами. А.Б.]

Известный в XIX в. французский писатель Жерар де Нерваль, современник и друг А. Дюма (отца), а также В. Гюго, в 1843–44 гг. совершил путешествие по землям Османской (Турецкой) империи и заехал после Стамбула в Каир (Египет тогда был провинцией Турецкого государства):

“В деревне сабейцев, откуда открывается этот великолепный вид, среди рожковых деревьев, стоит белостенный окель, террасы которого спускаются прямо к воде: по ночам лодочки, плывущие вверх и вниз по Нилу, видят, как в доме горят огоньки. Любопытный путешественник, находясь в фелюге посередине реки, может рассмотреть сквозь кружево решеток океля, как вокруг столиков на маленьких ящиках, сплетенных из пальмовых прутьев, или на диванах, крытых циновками, расположились завсегдаи, чье поведение вызывает удивление наблюдателя. Возбужденная жестикуляция, сменяющаяся тупой неподвижностью, бессмысленный смех, нечленораздельные крики говорят о том, что перед ним один из тех домов, где, пренебрегая запретом, неверные возбуждают себе вином, бузой (пивом) или гашишем” [Нерваль де Ж., “Путешествие на восток” (пер. с франц), М., 1986, с. 65] [подчеркнуто нами. А.Б.]

“Он думал открыть кабачок и торговать там вином, в то время еще не известным в Египте, поскольку христиане и евреи употребляли лишь водку, арак и бузу – разновидность пива ” [цит. соч., с. 275] [подчеркнуто нами. А.Б.]

Более того, кыргызский исследователь Г.А. Тургунова, исследовавшая проблему переводного воссоздания национальных кыргызских этнолингвистических реалий в английском языке, однозначно отказывает кыргызам в брендовом праве на бозо,

поскольку аналогичный напиток имел хождение и в Англии в XX в.:

“Бозо. В английском языке есть слово с идентичной семантической сферой: booze, которое также обозначает спиртной напиток, выпивку. Кыргызский народ с древних времен готовит национальный напиток бозо и употребляет его. Что касается реалии, обозначаемым английским словом booze, то она тоже является национальным спиртным напитком. В таких случаях переводчику необходимо подчеркнуть, что в английском языке понятие ‘бозо’ требует развернутого объяснения, включающего указания на состав напитка и способ его приготовления. На примере слова ‘бозо’ выявляются значительные различия в членении окружающего мира между кыргызским и английским языками. Несмотря на эти различия, в данном случае описывается одна и та же действительность, и понятие ‘бозо’ не может быть признано кыргызской реалией” [Тургунова Г.А. “Проблемы переводного воссоздания национальных этнолингвистических реалий в разносистемных языках (на матер. кырг. и англ. яз.)”, АКД, Бишкек, 2008, с. 11–12] [подчеркнуто нами. А.Б.]

То, что бозо воспринимался в Англии как английский национальный напиток вплоть до XX в., можно объяснить следующим историческим фактом: часть балтийских древнесаксонских племен находилась под власть гуннов в IV-V вв., даже сражалась вместе с гуннами против Рима на Каталаунских полях, и только в конце V в. переселилась на остров Британия.

3/ Чөп (чуп, чуб). Слово знатоку гуннского и готского языков А. фон Беку, который описывает семь правил поведения знатных гуннок; и в одном из них в качестве основной семантической составляющей употребляется это слово.

“Пятое правило гласит: чуп кароо²⁴⁹ (Почему-то и гунны, и готы, и анты называют волосы сходными словами: “цуп²⁵⁰” и “чуб²⁵¹”). Оно предусматривает, что гуннские девушки должны очень бережно относиться к своим волосам на голове и отращивать их как можно длинее и гуще. По количеству кос и

драгоценных украшений в них определяется степень знатности девушки. Гунны считают, что у девочек особенно хорошо и благоприятно растут волосы с двенадцати до пятнадцати лет. И потому бабушки, матери, старшие сестры и снохи помогают девочкам в этом возрасте ухаживать за волосами, смазывают тончайшим слоем айрана, который отменно способствует их росту и блеску” [Бек фон А. “Гунны”, кн. III, т. 1, с. 198].

И на этой же страницы внизу даются пояснения:

“Чуп кароо²⁴⁹ – по-гуннски: смотреть (кароо) за волосами (чуп).

Tzip²⁵⁰ – по-готски: волосы, коса.

Чуб, чуп²⁵¹ – по-старославянски: прядь волос” [цит. соч., там же].

В современном немецком языке употребляется Zopf (коса), а в кыргызском у “чөп” осталось только одно значение “трава, прядь травы”, значение же “прядь волос ” сошло на нет.

К материально-предметным артефактам гуннского периода кыргызской истории можно отнести наименование с мысленно-предметными, признаковыми и процессными значениями:

4/“Алп”. Гунны и готы верили, что существует некий злой великан “алп”, который способен навредить праведному человеку, убить и задушить его в беспомощном состоянии во сне, но этот злой великан, зачастую принимающий бестелесную сущность, боится острых предметов – для обережения человека, а особенно, маленьких детей, надо положить под голову нож.

В современном немецком языке сохранились два значения слова: “Alp: 1. миф. домовый, злой дух (душащий людей во сне); 2. кошмар, удушье (во сне); угнетенное состояние” [“Большой немецко-русский словарь”, под рук. О.И. Москальской, т. 1, М., 2008, с. 83]. В кыргызском же языке сохранилось одно значение: “Албарсты – демоническое существо в образе женщины(якобы вредящее роженице и сжимающее горло спящего)” [Юдахин К.К. “Кыргызско-русский словарь”, кн. 1, Фрунзе, 1985, с. 47].

Кыргызское “албарсты” расчленяется на: алп + басты (злой дух + навалился).

5/“Морт, мерт, мүрт”. В готском и немецком языках имеется аналогичное по значению и по звучанию слово *Mord*, основное значение которого “убийство, умерщвление”. Однако первоначально оно имелось в языке гуннов: “Гунны говорят о войнах, погибших в скоротечном жестоком бою ‘морт кетеди’– ‘внезапно ушел (на небеса)’, готы также переняли слово ‘морт’ в значении ‘внезапная смерть’, ‘вас фадар морт’ – ‘отец внезапно умер (стал мертвый)’... Was fadar mord– по-готски: стал (was) отец (fadar) мертвый (mord)” [Бек фон А. цит. соч., кн. 3, т. 1, с. 13].

В кыргызском языке слово это сохранилось в звуковой форме “мүрт” (внезапная смерть). Имеются устойчивые словосочетания с этим словом, но в несколько видоизмененной форме: “мерт болду, мерт тапты” (погиб), и “Жаның бек болсун, киймиң морт болсун” (при покупке какого-либо нового товара, например, одежды, кыргызы высказывают пожелание: Пусть ты будешь здоров, а одежда пусть пропадает).

6/“Наам”. В гуннском и готском языках имелось слово “наам” (name)– ‘имя’, которое безо всяких видоизменений перешло в кыргызский язык и язык немецкий– Name, а также через посредство древнесаксонского вошло и в английский язык.

7/“Наар”. Данное слово имелось и в гуннском, и в готском языках в значении “пища, еда, питание”. Оно сохранилось в современном кыргызском языке в этом же самом значении: “Наар – тамак: Эртең биздикине келип наар татып кеткиле” [“Кыргыз тилинин сөздүгү”, Бишкек, 2010, 958 б.]., а также и в современном немецком, но только с добавлением позднего немецкого женского родового суффикса – *ung*: «Nahrung – пища, питание, пропитание» [«Большой немецко-русский словарь», под рук. О.И. Москальской, т. II, М., 2008, с. 133].

Говоря о пище и еде, нельзя не упомянуть готско-немецкие

соответствия для исконных гуннско-кыргызских лексем:

Гуннско-кыргызские лексемы   Готско-немецкие лексемы   1.
Шекери (сладости)   Tsukeri, Zucker (ср. англ. sugar)   2. Сорпа
(суп)   Suppe (ср.англ. soup)   3. Йохурт, курут (мягкий сыр)
Jogurt

Отметим, что в четырех книгах часто цитируемой нами трилогии «Гунны» А. фон Бека насчитывается около полутысячи гуннско-кыргызских и готско-немецких языковых соответствий в лексемах, словосочетаниях и словооборотах, и даже во фразеологизмах.

Таким образом, на этногенетико-культурологическом уровне взаимосвязь и взаимоотношения древних гуннов и готов очевидны. Предки кыргызов – гунны и предки немцев – готы оставили в наследство многие совместные исторические артефакты, созданные их материально-предметной и духовно-интеллектуальной деятельностью, а точнее, как сами эти артефакты, так и их словесные обозначения.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПЯТОЕ, обусловленное археологическими данными новейшего времени...

Бекбалаев А.А. Аттила – предок кыргызов: Научно-попул. истор. очерк. Б.: КРСУ, 2011.

*Кыргызско-Российский Славянский университет
Гуманитарный факультет*

Рецензенты:

Докт. филос. наук, акад., проф. НАН КР А.Ч. Какеев

Докт. филол. наук, проф. народный поэт Кыргызстана В.И. Шаповалов.

Научный редактор – докт., истор. наук проф., акад. НАН КР В.М. Плоских.

© Бекбалаев А.А., 2011. Taryhy şahslar